

Диалог с самим собой

Эльчин. «Время и Слово»

Как всегда с интересом открываю книгу Эльчина. На сей раз наш народный писатель предложил нам произведение, не похожее на его прежние. «Время и Слово» – так оно называется. Это литературные раздумья разных лет, собранные воедино. Они возникли и легли на бумагу на родном языке автора. Но передо мной их перевод на русский. Скажу сразу: удачный перевод, профессионально сделанный Вагифом Ибрагимовлу. Даже не зная Эльчина близко, читая книгу, словно заглядываешь в глубины его внутреннего мира, познаешь взгляды автора на многие явления жизни, читаешь его мысли. Приятно, когда они совпадают твоими или, во всяком случае, в чем-то созвучны им...

В обращении к читателям писатель называет свою книгу совершенно неожиданным для него творческим происшествием. Что ж, весьма приятное происшествие. И прежде всего для почитателей литературного таланта автора. Я бы назвала это еще и озарением: ведь все, что записывалось на протяжении многих лет на клочках бумаги, спичечном коробке, на полях книг, словом, на всем, что оказывалось под рукой, – мысли, суждения, какие-то впечатления, что-то взявшее за душу – все это рождалось действительно вроде бы неожиданно, становясь следствием, возможно даже, сиюминутно испытанных переживаний и ощущений. Попробую объяснить это.

Вот как описал Эльчин в одном из мини-эссе – именно так называет он свои записи – концерт Вана Клиберна в Баку. «...Музыка, которая там прозвучала, вдруг сделала Клиберна... невидимым... Была только музыка, только музыка, больше ничего и никого не было для меня...» Наверное, так и воспринимают настоящую музыку эмоциональные натуры. А разве мог бы стать хорошим литератором человек без эмоций?!

Или вот еще. Эльчин известен и как переводчик на азербайджанский язык ряда сочинений мировой литературы. И если он делал это и, как говорят, делал успешно, то в немалой степени, на мой взгляд, еще и благодаря своей эмоциональности в самом широком понимании слова. «В процессе перевода, – читаем в одной из его записей (а речь идет о произведениях Мольера «Плутни Скапена» и «Жорж Данден или Обманутый муж»), – я испытывал чувство, что мольеровски диалоги – это бабочки, порхающие с ветки на ветку, с цветка на цветок». По-моему, здорово! Как и следующая короткая заметка «В Бодруме»: «Геродот появился на свет в Бодруме. Бодруму этот факт абсолютно безразличен. А меня это волнует...», или «Пребывая в прошлом, Дон-Кихот смотрит на нас из будущего». Вот строки из этой записи: «Я в Испании... Независимо от себя ищу ветряные мельницы. Ветряных мельниц нет... Но чудится, будто Дон-Кихот стоит со своим несуразным копьём в будущем – вот кончится дорога, а в конце ее на меня безумно мудро смотрит он...»

В основном, вроде бы случайные записи Эльчина отражают его отношение к литературе, как к явлению, к тем, кто ее делает, его размышления на эту тему.

Надо сказать, что будучи большим эрудитом, автор мини-эссе представляет нам целый ряд, уверена, и неизвестных многим имен. Например, японского писателя Ихара Сайкаку. Говоря о его новеллах, Эльчин пишет, что «классическая японская литература со всем своим миром чувств, моральным кодексом, способом видения и отображения, чувствования и передачи чувств есть ни что иное, как выражение жизненного опыта инопланетян». Таково личное, весьма изящно выраженное впечатление автора мини-эссе о творчестве Сайкаку.

Страница за страницей книга «Время и Слово» свидетельствует о широте интересов автора, глубине его взглядов и оценок. Он сумел поделиться своими мыслями о Льве Толстом, Сервантесе и Достоевском, Физули и Сабаре, Гоголе, Фолкнере и Хемингуэе, Фейхтвангере и Руссо, Джеймсе Джойсе и Диккенсе, Мориаке и Моруа, Назыме Хикмете и Симонове, Шекспире и Ибсене, о Дж.Мамедгулузаде, Гюго, Тургеневе и еще о многих-многих других, и сделал это так, что не оставил ни одного равнодушного: кто-то согласился с ним, а кто-то не принял его суждений. И это нормально: человек имеет право на собственное отношение ко всему и всем. Почему-то подумала об этом, прочитав запись «О Бабеке» – это о трагедии И.Сельвинского, недостатком которой Эльчин посчитал ориенталистскую экзотику. Впрочем, все данные критиком Эльчином оценки явлений и событий настолько емки и неординарны, что в ознакомившемся с ними читателе возникает желание непременно пропустить через себя ту или иную мысль, вернуться в то время, когда она родилась. Так, во всяком случае, было у меня.

Суждения автора в целом о литературе, всегда аналитические, мотивированные, и о литературоведении с его, как считает Эльчин, ортодоксальным отношением к литературе, – достаточно интересны. Они содержатся во всех мини-эссе. Вот некоторые из них: «Психологическая женская проза или женская психология в прозе», «Новый перевод Бальзака на... французский язык», «О прозе Полонского», чей талант, по мнению Эльчина, ярко раскрывается лишь в документальных произведениях или в мемуаристике, «Чары Вагифа», «Шедевр» – а это о произведении «Не та, так эта». С иными литературоведческими оценками автора записей трудно не согласиться. К примеру, когда он говорит о романе и сюжете, сравнивает Мопассана и Тургенева, пытается прежде всего самому себе ответить на вопрос, можно ли достигнуть синтеза таких понятий, как космополитизм и народность. В качестве положительного ответа автор мини-эссе приводит повести Тургенева.

Есть среди записей наводящие на глубокие раздумья. Вот, скажем, такая: «Конъюнктура и талант», а в ней такие строки: «Для того, чтобы воочию увидеть, прочувствовать драматизм борьбы между Конъюнктурой и Талантом, достаточно прочитать Булгакова». Или «Номенклатурный декор» – автору запомнилась фраза одного из ярких представителей нашего театроведения, на некоторое время оказавшегося на чиновничьей службе: «Доконает нас обязанность быть номенклатурным декором». Интересно, когда была сделана эта запись?

Иные заметки – короткие, в несколько строк, но острые, а главное – точные. Например, читаем: «У меня сложилось стойкое впечатление, будто

Эдгар По верил в реальность сочиненных им же самим историй». Или «Некоторые книги подобны падшим женщинам: идут по рукам». «Есть такие романы, которые по недосмотру появились на свет мертворожденными, но получили право на жизнь. Жалко их, но еще более жаль литературу».

Людам, всерьез относящимся ко всему, что связано в целом с творчеством, книга Эльчина, о которой речь, может, наверное, послужить серьезным источником, направляющим мысль и, если хотите, поступки. Именно так воспринимается мини-эссе «О рекламе», а скорее, об антирекламе. Впрочем, сам автор записей вовсе не претендует на такую роль, считая их всего лишь субъективным самовыражением. Причем, представляются они читателю в первозданном виде, без «современной редакции».

У писателя Эльчина удивительное свойство: он умеет найти те единственные слова, которые пробуждают в читателе аналогичные его собственным чувства и ощущения. Возможно, знакомым с «Черным принцем» Айрис Мердок (мини-эссе «Волшебница из Альбиона») тоже, как и Эльчину, казалось, что эта «чужая» женщина, войдя в их сердце, постукивает своим волшебным посохом, бродит по закоулкам сердца, смотрит, видит, находит...

«У меня, – пишет Эльчин в одном мини-эссе, – природная аллергия на холодную литературу, и этот холод я ощущаю физически». Писатель мог и не говорить этого. Каждое его слово, каждая строка, каждое произведение его пронизаны теплом, согревают души. Все творчество его проникнуто неравнодушием. И так было всегда, с самого начала. Свидетельством тому – и книга об Эльчине известного бакинского журналиста Марка Пейзеля, давно покинувшего родной ему Баку, а потом, увы, и наш бранный мир. Вместе с ним словно возвращаюсь в 70-80-е годы прошлого столетия и снова встречаюсь с такими легко узнаваемыми нами героями произведений писателя, довольно рано вошедшего в азербайджанскую литературу. С удовольствием вспоминаю повести «Серебристый фургон» и «Смоковница», возвышенные, поэтические рассказы, которые известный российский критик Л. Аннинский назвал когда-то психологическими этюдами. Сборник посвященных этим произведениям Эльчина публикаций Пейзеля состоит из статей, которые мог написать только бакинец. Только любящий наш родной город и его жителей человек. М. Пейзель еще в те годы почувствовал в Эльчине некую «акварельность» (выражаясь словами самого Эльчина – вспомните мини-эссе «Акварель Антона Чехова»), «акварельность» передачи им чувств, настроения героев, назвав его прозу, в частности, «Серебристый фургон», хотя и «нервной, но мягкой по тональности». Конечно же, Эльчин – писатель романтического склада!

Вернемся однако к мини-эссе, собранным в книге «Время и Слово». Авторские размышления, содержащиеся в них, подтверждают истину, что и критика, и публицистика – это тоже поистине большой писательский труд, только выражен он иными средствами. Возможно, одно из них – сравнение. Говоря, к примеру, о Шекспире и Шиллере, Эльчин противопоставляет Чувство и Рассудок.

Свое отношение у писателя к родному языку, и в целом, к национальной культуре. Это было заметно еще в сборнике его критических работ «Поле

притяжения», вышедшем в свет в конце 80-х в Москве. Многие из высказанного там перекликается с мыслями, содержащимися в книге «Время и Слово». Есть в ней такая запись: «Ильяс Эфендиев не смог бы писать на другом языке». Хотя как-то известный русский драматург Алексей Файко заявил, что если бы Ильяс Эфендиев писал на русском, он был бы известен во всем мире не менее Артура Миллера. Но последовавший ответ был таким: «Не исключено, – сказал Эльчин, – но если бы он писал на русском, то не был бы Ильясом Эфендиевым». Нельзя не согласиться с этим. Каждый писатель, по мнению Эльчина, выражает не только себя, но и исторический опыт своего народа, его духовность, его культурные ценности. Писатель видит и ощущает мир как историю своего народа и мыслит о его будущем в контексте развития всего человечества. И тут главный помощник ему – родной язык. Но наряду с языком автор записей – активно за преемственность культурных традиций каждого народа.

Автора книги «Время и Слово» отличает, на мой взгляд, какая-то интеллигентность, что ли, его критического слова. «От произведения, в котором есть хоть самая малость политики, ничего хорошего ожидать не приходится». Эти слова произнес Ильяс Эфендиев, но, думаю, их разделяет и сам Эльчин, иначе их не было бы в этих заметках (мини-эссе «Политика и художественность»). Разъясняя свой взгляд на «Производственный роман», он утверждает, что это вовсе не продукт только советской идеологии. Сославшись на «Брат мой, враг мой» Митчелла Уилсона, который тоже является производственным романом, он отмечает: «По крайней мере, в нем нет уродливых фигур, порожденных нормативными требованиями идеологии». А говоря о нашем талантливом соотечественнике, человеке глубоких знаний и высокой культуры Мехти Гусейне, ступившем поначалу на путь истинной литературы, Эльчин с сожалением отмечает, что в определенный период он позволил идеологии удушить свой талант, но позже, к счастью, сумел вернуться в близкое ему «духовное пространство» под названием «истинная литература».

Хотелось бы сказать еще об одном качестве Эльчина, в данном случае, скорее, критика, литературоведа. Если вспомнить Козьму Пруткова, «он зрит в корень». Это подтверждают мини-эссе о миссии великих общечеловеческих книг. Одну из миссий литератур автор записей видит в сохранении и продлении генетической памяти. Это суждение он подтверждает определенными доводами, ставя литературу в один ряд с луной, солнцем, водой, землей, воздухом, словом, со всем тем, без чего не может существовать *homo sapiens*.

И последнее. Очень ценно в людях вообще, а в творце особенно, умение восторгаться, радоваться явлению, событию, личности. Приятно, что к рядуобладающих таким умением относится и автор книги, позволившей мне еще раз заметить это. Возможно, мне, не литературоведу, не критику, а просто читателю, не удалось облечь все высказанное в статье в четкую, логически и хронологически выстроенную форму. В оправдание сошлюсь на признание самого Эльчина, который назвал эти случайные записи о времени, об истории, политике, различных событиях, переживаниях, друзьях и недругах, а больше о литературе – заметками дневникового характера, размышлениями о жизни, литературными раздумьями, не привязанными к чему-то конкретно.

Прочитав слово от автора и еще не заглянув в записи, я озаглавила то, что собиралась писать, «Диалогом с самим собой». Оказалось, что так же названы в книге одно или два мини-эссе. Это не смутило меня, а напротив, придало уверенность в полном соответствии моего заголовка и содержанию книги «Время и Слово», и моим, пусть даже не всегда стройным, мыслям о ней.

Эльмира АЛИЕВА,
заслуженный журналист Азербайджана
Каспий.- 2009.- 19 декабря.- С. 10.